

всюду, от Швеции до Испании. Напряженные усилия и тяжкие жертвования, принесенные русским народом для великих целей, указанных русским монархом, были вознаграждены небывалой славой, неожиданными выгодами. Легко понять, какое чувство овладело русскими людьми при известии о заключении Ништадтского мира.

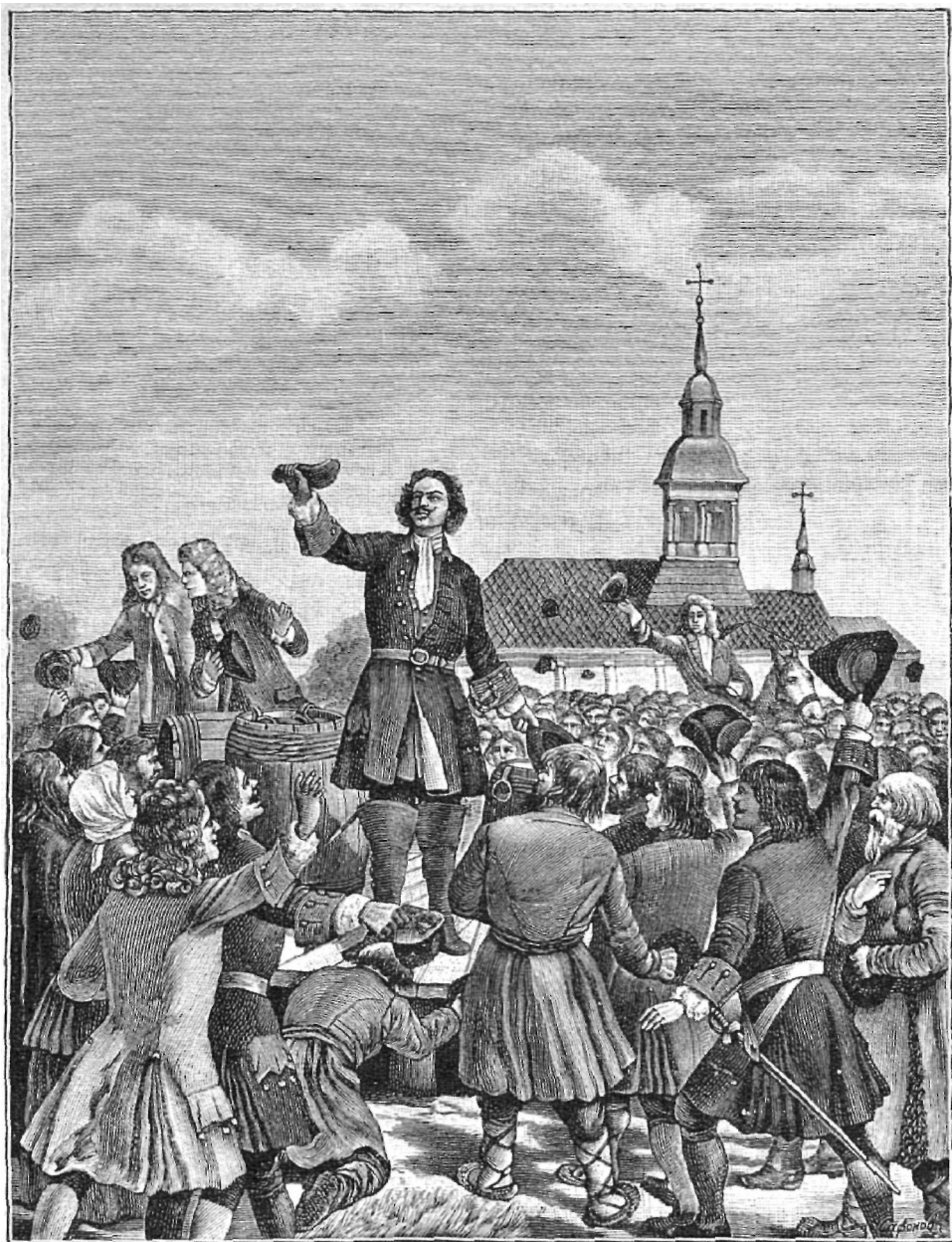
Петр Великий получил донесение от своих уполномоченных, Брюса и Остермана, о подписании мирного договора со Швецией 4-го сентября 1721 года, во время морской поездки своей в Выборга. У Лисьего Носа его встретил курьер Обрезков и передал ему радостную весть. Государь тотчас повернул обратно в Петербург, подъезжая к которому велел ежеминутно стрелять из трех пушек, находившихся на его яхте, а трубачу немолчно трубить. На эти необычайные сигналы к Троицкой пристани поспешно и в недоумении начинают собираться вельможи и народ. Петр, подъезжая, машет платком и кричит: «Мир! мир!» Ему отвечают восторженными криками. Приказав начать пальбу с Петропавловской крепости и адмиралтейства и немедленно разослать герольдов по городу для объявления о совершившемся событии, государь, в сопровождении собравшихся, направляется в Троицкий собор и велит служить благодарственный молебен. Между тем на Троицкой площади спешно готовят возвышенное место, ставят бочки с вином и пивом. Скоро вся площадь сплошь покрывается народом. По окончании молебна государь выходит из собора, поднимается на возвышение и говорит: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 год, Всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый, вечный мир!» Сказав это, Петр зачерпнул в одной из бочек ковш вина, повторил: «Здравствуйте, православные!» и выпил. Народ радостно кричит: «Ура! Да здравствует государь!» Многие плачут. Петр сам растроган, в глазах его видны слезы...

Официальное празднование было отложено до 22-го октября, и к этому времени должны были вернуться в Петербург войска из Финляндии и других мест. Накануне этого дня Петр приехал в сенат и объявил, что в знак благодарности за милость Божью дает прощение всем преступникам, кроме разбойников, и святотатцев, освобождает государственных должников и слагает недоимки, накопившиеся с начала войны до 1718 года. По отбытии государя, сенат единогласно постановил поднести ему титул Императора, Отца Отечества и Великого. О

своём решении сенаторы немедленно сообщили святейшему синоду, который вполне его одобрил. Тогда сената, в полном составе отправился к государю и вручил ему своё постановление, подписанное сенаторами: графом Головкиным, графом Апраксиным, князем Д. Голицыным, бароном Шафировым, А. Меншиковым, князем Г. Долгоруким, П. Толстым, князем Д. Кантемиром и А. Матвеевым. Постановление это было следующего содержания:

«Всемиловитейший государь! Понеже труды вашего величества в произведении нашего отечества и подданного вашего всероссийского народа всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что вашему величеству, как самодержцу, все принадлежит, однако ж в показание и знак нашего истинного признания что весь подданный ваш народ ничем иным, кроме единых ваших неусыпных попечений и трудов об оном, и ущербом дражайшего здоровья вашего положенных, на такую степень благополучия и славы в свете произведен есть, помыслили мы, с прикладу древних, особливо же римского и греческого народа, дерзновение воспрять, — в день торжества и объявления заключенного оными вашего величества трудами всей России толь славного и благополучного мира, по прочтении трактата оного в церкви, по нашем всеподданнейшем благодарении за исходатайствование оного мира, принести свое прошение к вам публично, дабы изволили принять от нас, как от верных своих подданных, в благодарение титул Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого, как обыкновенно от римского сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуях для памяти в вечные роды подписываны. Святейший синод в том с нами согласен, и тако токмо ожидаем обще от вашего величества милостивого нам невозбранения».

22-го октября Петр, вся царская фамилия и вельможи прибыли к обедне в Троицкий собор. По окончании службы, прочитан с амвона ратифицированный мирный трактат. Затем архиепископ новгородский Феофан Прокопович сказал красноречивую проповедь, в которой, изобразив все труды, мудрых распоряжений и благодеяний государя, на пользу его подданных, в продолжение всего царствования, и особенно в минувшую войну, приглашал их воздать монарху дань признательности, достойную увековечить настоящий достопамятный день. Тогда из толпы вельмож выдвигаются сенаторы, во главе с канцлером, графом Головкиным, который говорит следующую речь:

Петр Великий объявляет народу о заключении Ништадтского мира.
С картины художника Сафонова.

«Вашего царского величества славные и мужественные воинские и политические дела, чрез которые токмо едиными вашими неусыпными трудами и руководством, мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театре славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и в общество политических народов присовокуплены: и того ради как мы возможем за то и за настоящее исходатайствование толь славного и полезного — мира по достоинству возблагодарити? Однако ж, да не явимся тщи в зазор всему свету, дерзаем мы, именем всего Всероссийского — государства подданных вашего величества всех чинов народа, всеподданнейше молить, да благоволите от нас, в знак нашего признавая толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний, титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского принять. Виват, виват, виват, Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!»

Сенаторы и присутствовавшие в храме трижды прокричали: «виват», а за ними повторял этот крик народ, толпившийся вне церкви. Зазвучали литавры и барабаны, загудел колокольный звон и загрохотала с крепости, адмиралтейства и флота пушечная пальба, сливаясь с ружейною двадцати полков, стоявших парадом на Троицкой площади. Когда все успокоилось, Петр взволнованным голосом ответил:

«Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостью благодарить. Однако же, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так стало, как с монархией греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог перед очьми кладет, как внутрь, так и вне, отчего облегчен будет народ».

Сенаторы благодарили государя, певчие запели: «Тебе Бога хвалим», а затем митрополит рязанский Стефан Яворский совершил благодарственное молебствие с коленопреклонением, после чего снова раздалась пальба и музыка. Петр вышел из собора и направился в сенат, где был приготовлен обеденный стол, на тысячу человек. Народ, заливавший площадь, бросился к государю, хватал его за руки, за полы кафтана, целовал их. Восторг был общий и не поддающийся описанию.

Здание сената было драпировано внутри, по стенам, сукном. Здесь императора поздравляли дамы, разодетые в самые богатые наряды. Князь Меншиков прочитал высочайший указ о про-

изводства по армии, а адмирал граф Апраксин—по флоту, после них обер-секретарь сената объявил о наградах и повышениях уполномоченным на мирном конгрессе и другим лицам. В сенатских залах было накрыто сорок восемь столов, за которыми не осталось ни одного свободного места. Государь обедал в большой аудиенц-зале, а императрица в соседней комнате. На Екатерине было красное платье, обшито серебром, и драгоценный головной убор; на цесаревнах — белые платья, обшитые золотом и серебром; волосы их были унизаны разноцветными камнями. Императрице прислуживали два камер-юнкера, а третий стоял перед столом и разрезывал кушанья. За стульями цесаревен стояли только их гувернантки. По правую сторону Петра сидел герцог Голштинский, а по левую—князь Меншиков; остальные вельможи и иностранные послы разместились, как пришлось. Первый тост — в честь заключенного мира—провозглашен государем при звуках литавр и труб. Обед еще продолжался, когда Петр встал из-за стола и удалился на свою яхту, чтобы, по обыкновению, отдохнуть. Уходя, он приказал всем оставаться и не уезжать без его разрешения. По окончании обеда столы были вынесены, и начались танцы, продолжавшееся до темноты. Государь, вернувшийся с яхты после довольно долгого отдыха, только изредка появлялся в зале, где происходили танцы, оставаясь, большею частью внизу, потому что распорядитель приготовленного фейерверка сильно подвыпил за обедом, и Петр, не надеясь на него, сам заботился о всем. В девять часов присутствовавшее были приглашены к нарочно выставленным окнам смотреть фейерверк. Он удался прекрасно и заслуживает описания, так как был составлен по указаниям и при участии государя.

Сперва взорам зрителей представилось большое здание, изображавшее храм Януса. Оно было открыто, и внутри его виднелся, в голубом огне, старый Янус, державший в правой руке лавровый венок, а в левой масличную ветвь. Немного спустя, с обеих сторон показались два вооруженных и коронованных рыцаря; на щите одного из них был изображен двуглавый орел, а на щите другого—три короны. Когда они приблизились к открытым дверям храма и прикоснулись к ним, двери начали постепенно затворяться, после чего рыцари сошлись и подали друг другу руки» Пока, горело изображение храма и самого Януса, стоявшего на, высоком пьедестале и окруженного разными арматурами, народу был отдан жареный бык, лежав-

ший вблизи храма на возвышении шести ступеней, со свободным со всех сторон проходом. Государь сам отрезал от быка первый кусок и попробовал, после чего солдаты в миг разорвали его на сотни частей. Тот, кому достались золоченые рога, получил денежную награду. В то же время были открыты устроенные с обеих сторон фонтаны с красным и белым вином, охраняемые, для порядка, стражею. Едва двери храма совсем затворились, в знак заключенного мира, как раздались сперва звуки множества труб, литавр и барабанов, потом была пущена ракета, — и разом загрохотали сотни пушечных выстрелов, смешиваясь с ружейным огнем и звоном колоколов. «Огонь с крепости, адмиралтейства и стоявших на Неве судов, был так велик», говорить очевидец: «что все казалось объятным пламенем, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться». После того, направо от храма, горел большой и высоко поставленный щит, на котором было изображено Правосудие, попирающее ногами двух фурий; последние представляли недоброжелателей и ненавистников в России, а над всею эмблемою красовалась русская надпись: «всегда победит». Затем зажгли, с левой стороны, другой щит, на котором изображался плывущий по морю и входящий в пристань корабль, с латинской надписью: «*finis coronat opus*» (конец венчает дело). Кроме того, с обеих сторон красовались две пирамиды из такого прекрасного белого огня, что казались сделанными из брильянтов. На каждой из них сверху сияла звезда из такого же огня. Потом зажгли еще две пирамиды со швермерами и в то же время пустили множество воздушных шаров, огромных ракет, бураков, открыли огненные фонтаны, колеса и проч., огонь которых не прерывался в продолжение двух часов. Наконец, на воде было пущено несколько фигур из голубого и белого огня, вместе со множеством водяных шаров, дукеров, водяных швермеров и других огней.

Фейерверк окончился около двенадцати часов ночи. Государь, все время хлопотавший около фейерверка, возвратился опять в зал сената, где снова начались поздравления при тостах из больших кубков с превосходным венгерским и другими винами, что продолжалось до трех часов утра, когда все стали разъезжаться, а многих пришлось увезти.

Таким образом был отпразднован лучший день в жизни Петра, увековеченный золотыми медалями, розданными участникам торжества. На лицевой стороне медалей был изображен на

море корабль и над ним голубь с масличного ветвью во рту; по сторонам моря высились города Петербург и Стокгольм, а между ними радуга с надписями: «союзом мира связуемы» и «в Нейштате по потопе Северные войны 1721». На оборотной стороне были вычеканены следующие слова: «В. И. В. Ш. Государю Петру I, именем и делами предивными Великому, Российскому Императору и Отцу, по двадесятилетних триумфах Север умирившему, сия из злата домашняго медаль усерднейше приносятся».

Теперь остается сказать, как отнеслась Европа к возникновению на Востоке новой империи.

Пруссия и Голландия немедленно признали новый титул русского царя; но не так поступили другие державы. В Вене, когда наш посланник Ланчинский, в торжественной аудиенции заявил императору о принятии Петром императорского титула, Карл VI пробормотал какие-то невнятные слова, а канцлер и другие министры, под разными предлогами, уклонились дать прямой ответ. Во Франции регент Филипп Орлеанский сказал нашему послу, князю Долгорукову: «Если бы это дело зависело от меня, то я бы исполнил желание его величества; но дело такой важности, что надо о нем подумать». В Польше отвечали, что согласны признать новый титул только под условием, чтобы Петр письменно обязался за себя и своих преемников не иметь никаких притязаний на русские области, находящиеся под польским владычеством. Дания соглашалась признать Петра императором с условием гарантии Шлезвига, или, по крайней мере, удаления герцога Голштинского из России. Со стороны остальных держав также встретились разные затруднения и проволочки. Приходилось оставить их в покое и предоставить обстоятельствам выяснить все значение и могущество России. Оно так и случилось: скоро Европа должна была примириться с совершившимся фактом—созданием Всероссийской империи. Признание нового титула состоялось со стороны Швеции в 1723 г., Турции в 1739 г., Англии и Австрии в 1742 г., Франции и Испании в 1745 г. и, наконец, Польши в 1764 году.